

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

Развод.
Упакуйте мужа
ДО ПЯТНИЦЫ

Павел Лимонов

**Развод. Упакуйте
мужа до пятницы**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод. Упакуйте мужа до пятницы / П. Лимонов — «Автор», 2026

В понедельник утром мой муж заказал у меня собственный переезд. Я создала «Разъезд», чтобы люди могли расстаться без скандалов: согласовать список, упаковать вещи и провести передачу без личной встречи. Я не ожидала, что однажды увижу в заявке имя Федора, наш домашний адрес и срок — до пятницы. Пока моя бригада готовит его вещи к отправке, Федор начинает еще одну сделку: продает свои тридцать процентов в компании. Чтобы сохранить контроль над «Разъездом», мне придется выбирать между квартирой, финансовой безопасностью и правом самой отвечать за правила своего дела. Степан Веденин, семейный медиатор, уверен: никакая точная процедура не заменит согласия и честного разговора. Его позиция угрожает выгодной сделке. А наши встречи все меньше похожи на обычные рабочие переговоры. До пятницы я должна завершить переезд мужа. До конца осени — решить судьбу компании. И понять, можно ли начать новые отношения, если я все еще пытаюсь превратить собственную жизнь в список задач.

© Лимонов П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Заказ номер 417	5
ГЛАВА 2. Чужой план в моей квартире	9
ГЛАВА 3. Конфликт интересов	13
ГЛАВА 4. Две подписи	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Павел Лимонов

Развод. Упакуйте мужа до пятницы

ГЛАВА 1. Заказ номер 417

В понедельник в девять двенадцать мой муж заказал у меня собственный переезд.

Заявка стояла четвертой в утреннем списке. Первые три я успела открыть до планерки: обычный выезд из съемной квартиры, передача вещей через склад и сложный адрес, где заказчица просила прислать женскую бригаду. Четвертая была оплачена по срочному тарифу и помечена красным значком. Система ставила такой значок, если до работы оставалось меньше пяти дней.

Я нажала на строку.

Заказчик: Руднев Федор Александрович.

Адрес: наша квартира.

Срок: пятница, 11 сентября, до 18:00.

Первой мыслью было, что Федор проверяет новую форму заявки. Он иногда делал это без предупреждения, находил пропущенное поле и присылал мне снимок экрана с коротким комментарием. Последний раз мы из-за него добавили отдельное согласие на временное хранение документов. Я собиралась позвонить и спросить, зачем он оплатил тестовый заказ настоящей картой, когда увидела примечание.

«Прошу провести упаковку без контакта сторон. Список пришлю отдельно. Доступ обеспечен. Связь только через личный номер заказчика».

Тестовые заявки не оплачивали сорок две тысячи рублей и не назначали на собственный адрес.

Я открыла платеж. Деньги пришли в восемь пятьдесят семь с личного счета Федора. Не с корпоративной карты, не с нашего общего счета на бытовые расходы. Отменить операцию в системе можно было двумя кнопками. Возврат занял бы до трех рабочих дней, после чего строка исчезла бы из графика и осталась только в журнале.

Я не нажала ни одну.

В соседнем кабинете Таисия диктовала Арсену номера заказов. Через десять минут сотрудники должны были собраться у моего стола, а я еще не распределила вторую машину. В расписании на пятницу оставалось одно окно. Я поставила курсор в ячейку, ввела номер 417 и только тогда заметила, что назначаю бригаду на собственную квартиру.

Телефон Федора ответил после шестого гудка.

— Да.

За четырнадцать лет он ни разу не говорил мне «да» таким голосом. Слишком собранным для понедельника, слишком готовым к моему звонку.

— Это не тестовая заявка?

— Нет.

— Где ты?

— В Казани.

Он уехал туда в четверг и должен был вернуться во вторник вечером. В воскресенье мы переписывались о платеже за ипотеку и доставке продуктов. Федор прислал мне фотографию гостиничного завтрака и пожаловался, что кофе остыл, пока он разговаривал с директором филиала. Я ответила, что у нас в среду освободилось окно для стоматолога, если он все еще хочет перенести прием. Он поставил обычный знак согласия.

— Когда возвращаешься? — спросила я.

— За вещами приеду в пятницу. Возможно, раньше, если закончу здесь.

— Ты заказал разъезд.

— Я знаю.

Мне пришлось отвести телефон от уха, чтобы посмотреть на экран. Имя было его, номер тоже. Проверка не имела смысла, но дала несколько секунд.

— Федор, скажи нормальными словами.

Он помолчал. Я слышала ровный шум улицы и короткий сигнал машины где-то рядом с ним.

— Я ухожу, Яна. Решение принято. Мне нужно забрать личные вещи до конца недели.

— Куда ты уходишь?

— Адрес доставки будет в заявке.

— Я спросила не как подрядчик.

— Поэтому я и оформил заказ. Чтобы мы не спорили о каждом шаге.

На экране мигнула строка входящего письма, но я не стала открывать. В кабинете было слышно, как внизу отъехал фургон: водитель дал задний ход, остановился и закрыл ворота. Рабочий день продолжался в своем обычном порядке. Только я пока не понимала, по какому правилу продолжать его самой.

— Ты решил развестись и сообщил мне через сайт моей компании.

— Сайт для этого и существует.

— Сайт существует, чтобы выполнить решение, которое стороны уже обсудили.

— Не всегда. Половина клиентов заказывает пакет без встречи.

— После подтверждения доступа и списка обеими сторонами, если вещи находятся в общем жилье.

Он выдохнул в трубку, но не перебил.

— Я не собираюсь вывозить твое, — сказал он. — Пришлю нормальный список. Одежда, книги, инструменты, рабочие бумаги. Никакой делёжки тарелок.

— Ты указал, что доступ обеспечен. Кем?

— У меня есть ключ.

— Ключ дает тебе право войти. Он не дает нашей бригаде право вынести вещи без согласия второго проживающего.

— Второй проживающий руководит этой бригадой.

— Именно поэтому документы по заказу будет закрывать другой сотрудник.

— Хорошо.

Он согласился слишком быстро. За последние месяцы Федор вообще редко спорил со мной. Я считала это признаком того, что мы наконец перестали тратить силы на мелочи. Теперь стало ясно: он просто перестал пытаться получить общее решение.

— Как давно ты это планируешь?

— Не по телефону.

— Ты выбрал телефон сам.

— Я выбрал понятный порядок. В пятницу заберу коробки, на следующей неделе подадим заявление. Квартира и компания потребуют времени, я подготовил варианты.

— Мы еще не обсудили сам развод, а ты подготовил варианты раздела компании?

— Да.

В этом «да» не было ни вызова, ни просьбы. Федор сообщал пункт плана и ждал, когда я перейду к следующему.

Я посмотрела на часы. До планерки оставалось четыре минуты.

— Пришли список до двенадцати. Каждую позицию, которую я не подтверждаю, оставим в квартире. Оплату и закрывающий акт передам Таисии. На адрес поедут двое сотрудников, как на любой конфликтный выезд.

— Там не будет конфликта.

— Он уже есть. Просто ты хочешь присутствовать только на погрузке.

— Яна, давай хотя бы без этого.

— Без чего?

— Без точных фраз, которые должны поставить меня на место.

Я не сразу ответила. Он знал мою манеру разговаривать. Иногда пользовался ею, когда просил составить претензию продавцу или проверить договор. Иногда злился, когда я так же разбирала наши ссоры: вопрос, факт, решение, срок. Но до сегодняшнего утра он ни разу не пытался завершить со мной брак по моей рабочей инструкции.

— В пятницу подпишешь акт лично, — сказала я. — До этого связь только письменно, кроме вопросов доступа. Если приедешь раньше согласованного времени, бригада остановит работу.

— Принято.

— Это все?

— Пока да.

Он отключился первым.

Я сохранила расписание и вышла из заявки. На общем экране появился план недели: адреса, машины, состав бригад, время дороги. Заказ 417 занимал пятничное окно с четырнадцати до восемнадцати. Я назначила на него Арсена и еще одного сотрудника, затем убрала свое имя из поля ответственного за документы.

В кабинет вошла Таисия. В одной руке у нее был планшет, в другой — ключ от второго фургона.

— Семнадцатый опять не видит датчик задней двери, — сказала она. — Сервис примет его после обеда. Успеваем переставить на малый фургон или двигаем адрес на час?

— Переставляем. Там сорок три короба и разобранный стеллаж. Поместятся.

Она открыла график рядом со мной и сразу увидела новую строку.

— Срочный на пятницу?

— Да.

— Руднев... Это ваш адрес?

Таисия не подняла голову. Сверила номер квартиры, потом фамилию заказчика. Я могла сказать, что Федор проверяет систему. Мы провели бы планерку, решили вопрос с ремонтом машины и вернулись к заявке позже, когда я нашла бы более аккуратную версию произошедшего.

Та версия не изменила бы адрес.

— Федор уходит, — сказала я. — Он оформил заказ на свои вещи. Документы и оплату ведешь ты. Любое изменение списка только через тебя, с двумя подтверждениями.

Теперь она посмотрела на меня.

— Ты хочешь, чтобы мы взяли этот заказ?

— Он оплачен. Право доступа у него есть, мое согласие на работу будет. Если список чистый, оснований для отказа нет.

— Основание есть. Ты сторона конфликта и директор.

— Поэтому ты ведешь документы.

— Яна, я не про документы.

— А я сейчас могу только про них.

Таисия положила ключ на стол. Она работала со мной третий год и никогда не пыталась изображать семейного психолога. Если считала решение плохим, говорила, какой ресурс мы потеряем или какой риск получим.

— Тогда до списка я не ставлю заказ в подтвержденные, — сказала она. — Арсен не узнает адрес, пока мы не проверим доступ и спорные позиции. И ты не меняешь ничего в системе с моего аккаунта, даже если Федор будет торопить.

— Согласна.

— Сотрудникам говорим только то, что нужно для работы.

— Да.

— На сам адрес ты едешь?

Я собиралась ответить, что обязана. Наша квартира, наши вещи, моя компания. В этой формуле мое участие казалось единственным способом не допустить ошибки.

— Решим после описи, — сказала я.

— Это уже лучше, чем «конечно, еду».

Таисия забрала планшет и вышла собирать сотрудников. Я осталась у стола на две минуты, которые сама отвела на проверку почты перед планеркой.

Письмо Федора называлось «Документы и список».

Во вложении лежали три файла. Первый содержал перечень вещей на четыре страницы. Во втором был проект соглашения о квартире: продажа, погашение ипотеки, раздел остатка поровну. Третий назывался «Предложение по доле».

Я открыла его последним.

Федор напоминал, что владеет тридцатью процентами ООО «Разъезд», и сообщал о намерении продать их до конца осени. Возможный покупатель уже был. Если я хотела сохранить компанию без нового участника, мне предлагалось подготовить деньги на выкуп.

Внизу стояла сумма, которую он считал справедливой.

Пять миллионов двести тысяч рублей.

Я перечитала число, закрыла файл и пошла на планерку. До пятницы требовалось упаковать мужа. До конца осени — найти деньги на собственную компанию.

ГЛАВА 2. Чужой план в моей квартире

Вечером я открыла дверь квартиры как чужой адрес.

Сначала проверила замок. Следов взлома не было, запасной комплект ключей лежал на своем месте. Если Федор заходил сам, значит, пользовался собственным. Потом включила свет в прихожей, сфотографировала общий вид и поставила сумку на пол. Обычно на выезде этим занимался Арсен. Заказчик ходил следом, показывал, что забрать, и каждые пять минут вспоминал еще одну коробку. Здесь заказчика не было, а вещи из заявки принадлежали человеку, с которым я прожила четырнадцать лет.

Я достала из сумки рабочий планшет и открыла список.

Федор распределил имущество по комнатам. Одежда, обувь, книги, инструменты, личная техника. Возле каждой позиции стояло примерное количество коробов. Он знал, как мы считали объем, и составил заявку так, чтобы оператору не пришлось ничего уточнять.

Я начала со спальни.

Правая половина шкафа выглядела заполненной, пока я не раздвинула рубашки. Между вешалками оставались широкие промежутки. Исчезли два костюма, зимнее пальто и синяя дорожная куртка. В нижнем ящике не было белья, которое Федор брал только в поездки. В ванной освободилась задняя часть полки. Он оставил старую бритву и почти пустой флакон, зато забрал запасные кассеты, лекарства и дорожный футляр.

Я сверилась с фотографией, сделанной в июне перед ремонтом шкафа. Тогда вещи висели плотно.

Три месяца.

Не доказательство, но срок. Федор не собрал чемодан в четверг и не принял решение между гостиницей и вокзалом. Он выносил необходимое понемногу, возвращался домой, ужинал со мной и обсуждал, стоит ли менять окна до следующей зимы.

Я внесла в примечание: «Часть имущества отсутствует до начала описи. Заказчик подтверждает, что вывез ее самостоятельно».

Написала Федору сообщение и получила ответ через минуту.

«Подтверждаю».

Он ждал.

На кухне из его списка нашлась кофемолка. Мы купили ее пять лет назад, когда Федор решил научиться различать обжарку, а через месяц вернулся к растворимому кофе в офисе. Кофемолкой пользовалась я. Чек давно исчез, платила, кажется, я, но доказывать это ради восьми тысяч рублей было бессмысленно.

Я поставила напротив позиции желтый знак: общее имущество, согласование требуется.

Такие отметки появились возле музыкальной колонки, набора инструментов и фотоаппарата. Колонку дарили нам на годовщину. Инструменты покупал Федор, но часть расходов списали со счета компании во время ремонта первого склада. Фотоаппарат оплачивали общей картой и брали в две поездки. Ни одна вещь не могла разрушить мою жизнь. Но если я разрешу Федору объявлять личным все, чем чаще пользовался он, то в пятницу мы будем не выполнять заказ, а оформлять его версию нашего брака.

В кабинете список перестал быть бытовым.

В пункте тридцать семь стоял ноутбук в сером корпусе. Федор купил его на свое имя в год открытия «Разъезда», потому что у компании еще не было расчетного счета. Через месяц бухгалтерия вернула ему деньги как расходы участника. На ноутбуке работала я, потом Таисия, а последние два года он лежал в домашнем шкафу как резервный. Данные мы перенесли на защищенный сервер, но наклейка с инвентарным номером оставалась на нижней крышке.

Я сняла ноутбук с полки, сфотографировала номер и положила обратно.

Пункт тридцать восемь: «Синяя папка с договорами и документами основания».

Папка стояла в нижнем отделении шкафа. В ней хранились копии первых договоров с клиентами, договор аренды нашего крошечного склада, старые сметы и расписка Федора о внесении денег в уставный капитал. Оригиналы корпоративных документов давно лежали в банковской ячейке, а эта папка не имела самостоятельной юридической ценности. Зато на первой смете я своей рукой исправила стоимость коробов и подписала: «Спросить Федю».

Тогда у компании не было ни одного сотрудника. Федор возил упаковку после работы, я принимала звонки на кухне, а сайт собирал его однокурсник. Тридцать процентов возникли не из великодушия и не по ошибке. Он вложил деньги, время и связи. Я отдала ему долю осознанно.

Это не превращало папку в его личную собственность.

Я поставила красный знак: «Не вывозить. Корпоративный архив. Возможна выдача заверенных копий».

Телефон зазвонил раньше, чем я перешла к следующему пункту. Федор включил видеосвязь. За его спиной была белая стена, внизу кадра виднелся край гостиничного стола.

— Зачем тебе видео? — спросила я.

— Ты просила согласовать список. Так быстрее.

— Я отправила три вопроса минуту назад.

— И вижу уже семь желтых отметок. Давай не будем делать из кофемолки судебный процесс.

Я прислонила планшет к стопке книг, чтобы в кадре были только я и закрытый шкаф.

— Забирай кофемолку. Я сниму отметку после твоего письменного подтверждения, что остальные общие вещи остаются до соглашения.

— Какая разница, если мы все равно продаем квартиру?

— Квартиру мы пока не продаем. Ты прислал проект, который я не читала с юристом.

— Там нет ловушки. Закрываем ипотеку, остаток делим пополам.

— Почему пополам?

— Потому что квартира общая.

— А первоначальный взнос?

Он отвел взгляд. Половину первоначального взноса дали мои родители. Они не оформляли заем и не требовали расписку. Федор всегда называл эти деньги подарком нам обоим. Я не знала, что скажет закон и что смогу доказать спустя восемь лет. Поэтому не стала спорить по видеосвязи.

— Обсудим отдельно, — сказала я. — Сейчас заказ. Ноутбук не уедет.

— Я его покупал.

— Компания вернула тебе полную стоимость. Инвентарный номер есть, проводку поднимем завтра.

— Яна, в том ноутбуке ничего ценного.

— Тогда он тебе не нужен.

— Мне принадлежит часть компании.

— Доля не дает права забрать тридцать процентов ее имущества домой.

Федор потер ладонью подбородок. На безымянном пальце не было кольца.

Я заметила это не сразу. Экран был маленьким, свет в его номере падал сбоку. На месте кольца осталась бледная полоска. Я посмотрела на свою руку. Кольцо мешало печатать на планшете, и я машинально повернула его камнем к ладони.

— Ты снял его до командировки? — спросила я.

Он понял, о чем речь, и опустил руку.

— Какая теперь разница?

— Мне нужна дата.

— Для описи?

— Для себя.

— В июле.

Два месяца он приходил домой без кольца, а я не заметила. Иногда Федор снимал его в спортзале. Иногда оставлял возле раковины и вспоминал только утром. Я перестала проверять.

— Ты готовился с июля?

— Я пытался понять, можно ли еще что-то изменить.

— Вместе со мной?

— Мы с тобой давно обсуждаем только платежи, ремонты и графики.

— И ты решил добавить к графику переезд.

— Если бы я начал разговор, ты бы составила план, как нам остаться. Нашла бы специалиста, назначила сроки, проверяла выполнение. Я не хотел сохранять брак.

Мне было что ответить. Я могла напомнить, сколько раз спрашивала, почему он задерживается, почему отказался от отпуска, почему молчит за ужином. Но вопросы, заданные между письмом поставщику и звонком водителю, могли не считаться настоящим разговором. Неприятнее всего было не то, что Федор обвинял меня. Неприятнее было узнать в его словах наш обычный порядок.

— Ты мог сказать: «Я не хочу сохранять брак», — произнесла я.

— Говорю сейчас.

— После оплаты фургона.

— Да.

Он не защищался. Мне стало ясно, что получить раскаяние сегодня не удастся. Возможно, он вообще не считал способ ухода жестоким. Для него жестокостью была бы длинная ссора, взаимные обещания и еще полгода в одной квартире.

— Синяя папка остается, — сказала я. — Но мы подготовим тебе копии документов, которые подтверждают вклад. Не для пятничного заказа, а как участнику общества.

— Я хочу оригинал расписки.

— Если это оригинал, его посмотрит адвокат. Потом решим, где он должен храниться.

— Ты уже наняла адвоката?

— Завтра встречусь.

— Быстро.

— Ты дал мне срок до пятницы.

Федор кивнул. Я стала читать спорные позиции по одной. Мы сняли отметку с кофемолки и инструментов: расходы компании относились только к строительным материалам, что подтвердила старая выписка. Колонка и фотоаппарат остались. Федор согласился не забирать ноутбук, но потребовал акт о его наличии. По папке мы зафиксировали разногласие.

Через сорок минут в списке осталось пятьдесят две согласованные позиции и три спорные. Я отправила итоговый файл ему и Таисии.

— В пятницу я приеду к шестнадцати, — сказал Федор.

— Окно начинается в четырнадцать.

— В Казани встреча до обеда. Раньше не успею.

— Бригада начнет без тебя, если подпишешь опись электронной подписью.

— Подпишу.

Он помолчал, затем спросил:

— Ты сегодня останешься в квартире?

Вопрос прозвучал почти заботливо. От этого я разозлилась сильнее, чем от списка.

— Это мой дом.

— Пока общий.

— Тогда почему уехать должна я?

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Ничего. До пятницы.

Связь оборвалась.

Я завершила опись в двадцать два десяти. Рабочий протокол требовал фотографии только включенных в список вещей, но я сделала еще четыре для себя: обе половины шкафа, полку в ванной, ящик с документами и пустое место в кладовой, где раньше стоял чемодан Федора. Не для суда. Мне нужно было перестать сомневаться, что подготовка к уходу началась задолго до сегодняшнего утра.

В холодильнике стояла кастрюля супа, который я сварила в воскресенье на двоих. Я перелила половину в небольшой контейнер и убрала в морозильник. Остальное разогрела, села за стол и открыла проект соглашения о квартире.

На третьей странице Федор предлагал выставить ее на продажу уже в октябре. Расходы на риелтора и досрочное погашение ипотеки делились поровну. До сделки я могла жить здесь одна, если полностью оплачивала ежемесячный платеж и коммунальные услуги.

Формулировка была аккуратной. Она превращала мой дом в актив, а меня — во временного жильца с повышенной ставкой.

Я закрыла файл. Не потому, что собиралась отказаться от продажи, а потому, что не хотела принимать решение в квартире, которую Федор уже мысленно освободил.

В десять сорок восемь написала Таисия.

«Получила опись. Завтра в 8:30 оформляем передачу полномочий по заказу. Ты будешь присутствовать как сторона и подтверждать только свои решения. Управление бригадой — мое. Возражения?»

Я набрала: «Я директор и отвечаю за выезд».

Не отправила.

Таисия права: если я стану руководить каждым движением Арсена, любой спор с Федором можно будет назвать распоряжением директора. Компания не должна была выбирать между нами только потому, что мое имя стояло в уставе первым.

«Возражений нет», — ответила я.

Сняла кольцо и положила в отделение кошелька. Не выбросила, не оставила на видном месте и не сфотографировала для Федора. Просто убрала вещь, которую больше не хотела носить.

Через минуту пришел новый файл от Таисии: приказ о временной передаче контроля оплаты и закрывающих документов по заказу 417.

Внизу оставалось место для моей подписи.

ГЛАВА 3. Конфликт интересов

Во вторник в восемь тридцать я подписала приказ, который запрещал мне командовать собственной бригадой на собственном разводе.

Таисия прочитала подпись, поставила дату и убрала документ в папку заказа.

— Теперь официально, — сказала она. — Оплату не возвращаю, изменения принимаю только с двух адресов, акт подписывают обе стороны. Если вы не согласны по позиции, она остается на месте.

— Я вчера отправила итоговую опись.

— Видела. Арсен получит ее без личной переписки и без проекта раздела квартиры.

— Он все равно поймет.

— Поймет. Но знать и участвовать в обсуждении — разные вещи.

Я хотела напомнить, что именно я придумала правила конфиденциальности. Вместо этого открыла расписание. Семнадцатый фургон вернулся из сервиса, утренние бригады выехали без задержек, два клиента подтвердили доступ. В любой другой день этого хватило бы, чтобы я перестала думать о доме до вечера.

— У нас в одиннадцать Веденин, — сказала Таисия.

— Перенесу.

— Почему?

— Пилот можно начать через неделю.

— Можно. А причина?

— Я не успела перечитать соглашение.

Таисия посмотрела на папку заказа 417, потом на меня.

— Соглашение ты перечитала в пятницу. Правки внесла в воскресенье.

— Сегодня у меня адвокат.

— В шестнадцать. Веденин в одиннадцать.

— Ты ведешь мой календарь или документы Федора?

— Сейчас оба, потому что ты пытаешься отменить нормальную встречу из-за ненормальной недели.

Я закрыла расписание.

— Встречу не отменяем. Договор подпишу только после проверки.

— Именно это и было в плане.

Таисия вышла прежде, чем я успела потребовать от нее менее удовлетворенный вид.

Степан Веденин пришел без опоздания. Я видела его дважды: на круглом столе по семейным спорам и месяц назад у нас на складе, когда мы обсуждали общую услугу. Он был выше меня, носил темные костюмы без галстука и разговаривал спокойно, но не медленно. В прошлую встречу мне понравилось, что он не пытался сделать из переезда терапию. Его центру требовалось надежное исполнение уже достигнутых договоренностей. Мне — клиенты, которым важны правила, а не самая низкая цена.

Вместе с ним пришла координатор центра, Анна, и первые двадцать минут мы говорили о форме согласия, хранении контактных данных и стоимости пробных шести недель. Таисия отвечала за операционные сроки. Я слушала внимательнее, чем ожидала. Работа не заглушала вчерашний разговор, но возвращала мне последовательность действий.

Проблема возникла на пункте о заявках без контакта сторон.

— Здесь указано, что заказ может поступить от одного клиента, — сказал Степан. — Когда вы получаете согласие второго?

— До выезда. Письменно или через подтвержденную учетную запись.

— Если второй не отвечает?

— Заказ не выполняется на общем адресе. Можем забрать уже упакованные личные вещи из нейтрального помещения или со склада.

— А если первый клиент оплатил срочный тариф?

— Возвращаем деньги за вычетом фактически оказанной подготовки, если она была отдельно согласована.

Степан сделал пометку.

— Хорошо. Тогда почему в презентации главным преимуществом назван разъезд без единого разговора?

— Потому что после согласования людям не нужно встречаться на погрузке.

— Это не одно и то же.

— В рекламе не помещается положение на две страницы.

— Зато помещается обещание, которое шире услуги.

В пятницу я спорила бы до тех пор, пока он не признал разницу между рекламной формулой и договором. Сегодня на экране моего компьютера висел заказ, созданный человеком, который принял формулу буквально.

— Мы уточним текст, — сказала я.

Таисия перестала печатать. Она знала, сколько месяцев я отказывалась менять эту строку: она давала почти треть переходов с рекламы.

— До запуска пилота? — спросил Степан.

— После первых результатов. Нам нужно понять, где именно возникает неверное ожидание.

Он закрыл файл.

— Яна Викторовна, вы хотели перенести встречу?

Анна подняла глаза. Таисия ничего не сказала.

— С чего вы взяли?

— Вы начали с условия, которого не было в переписке: договор только после дополнительной проверки. Сейчас согласились пересмотреть формулировку, которую месяц защищали. Либо вы полностью изменили позицию за выходные, либо появился риск, о котором мы не знаем.

— Этот риск не относится к вашему центру.

— Тогда назовите только ту часть, которая относится.

Мне не понравилось, как точно он оставил мне границу. Если бы Степан требовал объяснений, я могла бы отказать. Он просил не исповедь, а сведения, влияющие на совместный проект.

— Один из действующих заказов связан со мной как с частным лицом, — сказала я. — Контроль документов передан Таисии. До завершения заказа я не буду утверждать изменения, которые могут выглядеть попыткой исправить услугу под личную ситуацию.

Степан посмотрел на Таисию.

— У вас есть полномочия остановить работу?

— Есть, — ответила она. — Включая распоряжение директора.

— Тогда с нашей стороны конфликта нет. Пилот можно начать после завершения этого заказа или раньше, если первая заявка не пересекается с вашей бригадой.

— Вы не хотите знать подробности? — спросила я.

— Если они не влияют на наши обязанности, нет.

— Обычно медиаторы задают вопросы.

— Обычно люди приходят ко мне за медиацией. Вы не приходили.

Ответ прозвучал без холодности и без приглашения передумать. Мне неожиданно стало легче.

Мы согласовали обмен документами и первую оценку пилота через две недели. Анна ушла с Таисией проверять форму передачи данных. Степан остался у окна, собирая бумаги.

— Я могу подписать свою часть сегодня, — сказал он. — Вам лучше передать договор юристу вместе с остальными документами.

— Вы все-таки поняли, какой это заказ.

— Понял, что личный. Остальное предполагать не хочу.

— Мой муж оформил вывоз своих вещей из нашей квартиры.

Я сказала это потому, что сама решила, а не потому, что он вытянул признание. Разница была небольшой, но важной.

Степан положил ручку на стол.

— Согласие на вывоз есть?

— По большей части списка. Спорное остается.

— Он ваш клиент, вы — вторая сторона, а компания исполняет передачу?

— Таисия ведет заказ.

— Тогда переносить весь пилот не обязательно. Но я бы отдельно описал, что услуга без контакта начинается после согласия, а не заменяет его.

— Это замечание к продукту или к моему браку?

— К продукту. Ваш развод я не веду.

— Хорошо.

— И личных советов давать не буду.

— Я не просила.

— Поэтому и обозначаю сейчас, пока ни один из нас не начал путать роли.

Он забрал экземпляр договора и ушел вместе с Анной. Я смотрела на закрытую дверь и пыталась понять, почему его отказ вмешиваться задел меня меньше, чем сама мысль о неизбежном сочувствии знакомых.

Валерия Марковна Крылова принимала в кабинете над нотариальной конторой. Ей было сорок шесть, и последние пять лет она сопровождала наши корпоративные документы. Семейными делами занималась ее коллега, но Валерия согласилась провести первую встречу сама и разделить вопросы.

Я положила перед ней проекты Федора, опись и устав.

— Начнем с того, что не будем называть это одним делом, — сказала она. — Расторжение брака — первое. Квартира и иное общее имущество — второе. Доля в обществе — третье. Связи есть, но порядок и документы разные.

— Федор хочет подать заявление на следующей неделе.

— Несовершеннолетних детей нет, оба согласны?

— Он согласен. Я не собираюсь удерживать.

— Тогда совместное заявление, месяц до регистрации. Имущество можно урегулировать отдельно. Не подписывайте его проект до оценки квартиры и расчета банка.

Она перелистнула предложение по доле.

— Пять миллионов двести тысяч — откуда сумма?

— Не знаю. Возможно, он разговаривал с покупателем.

— Кто покупатель?

— В письме нет имени.

— Запросим. Параллельно закажем независимую оценку. У Федора настоящие тридцать процентов, Яна. Он участвовал с основания, решения оформлялись, вклад внесен. Способ его ухода не уменьшает долю.

— Я понимаю.

— Нет, пока вы надеетесь найти ошибку в старом ноутбуке или распiske, не понимаете.

Я откинулась на спинку стула.

— Я не собираюсь отнимать его долю.

— Что собираетесь?

— Выкупить. Если цена обоснована.

— На какие деньги?

— Девятьсот тысяч накоплений. Часть могу занять под личное поручительство. Остальное...

Я замолчала. Компания зарабатывала, но свободных миллионов на мою частную сделку у нее не было. Забрать деньги из оборота означало задержать зарплату, аренду и платежи поставщикам. Я никогда не рассматривала расчетный счет «Разъезда» как свой кошелек и не собиралась начинать сейчас.

— Остальное придется искать, — закончила я.

— Или договариваться с новым участником.

— Нет.

— Это пока эмоция. Покупатель может оказаться разумным инвестором.

— Федор выбрал его без меня.

— Но войти в общество он сможет только по процедуре. Поднимем устав, проверим преимущественные права, форму оферты и сроки. Не давайте устных обещаний.

— А если Федор попытается вывезти документы в пятницу?

— Оригиналы компании не входят в его личные вещи. Зафиксируйте отказ в акте, копии выдайте по письменному запросу участника. Не спорьте о вкладе на лестнице.

Я записала, хотя половину уже знала. В присутствии Валерии правила переставали быть моим оружием и снова становились общим порядком.

— Можно связать продажу квартиры с выкупом доли? — спросила я.

— Можно согласовать взаимозависимые расчеты. Но сначала узнаем остаток ипотеки, рыночную цену жилья и стоимость доли. Сейчас у вас три неизвестных и желание закрыть все одним документом. Это опасная комбинация.

— Федор прислал готовый проект.

— Готовый для него.

Валерия составила список: оценщик бизнеса, оценщик квартиры, справка банка, официальный запрос Федору о покупателе, проверка корпоративных документов. В конце попросила переслать ей приказ по заказу 417.

— Зачем?

— Чтобы подтвердить, что вы не распорядились компанией в личном споре. Хорошее решение вашей управляющей.

— Операционного директора.

— После этой недели подумайте, не пора ли закрепить ее полномочия шире.

Я убрала бумаги в сумку. За один день два человека предложили мне отказаться от части контроля. Ни один не спросил, как я себя чувствую.

На улице я увидела сообщение от Степана.

«Подписанный договор передал Таисии. Отдельно отметил для пилота: услуга без встречи допустима только после подтвержденного согласия. Заказ, который вы описали, показывает слабое место формулировки. Это не оценка ваших личных решений».

Я могла ответить, что слабое место не помешало компании выполнить четыреста шестнадцать заказов. Могла напомнить, что медиация тоже не гарантирует честности сторон.

Вместо этого написала: «Сформулируйте критерий, который можно проверить до оплаты. Обсудим завтра после описи».

Ответ пришел, когда я подходила к машине.

«Сформулирую».

За двое суток никто, кроме Степана, не предложил мне следующий шаг, не пытаясь заранее решить его исход.

ГЛАВА 4. Две подписи

В среду утром Таисия вошла в мою квартиру первой.

Я ждала ее на лестничной площадке, хотя приехала на двадцать минут раньше. После понедельника мне не хотелось открывать дверь до того, как начнется официальная опись. Это было нелепо: ночь я провела внутри, утром сварила кофе и ушла на встречу с оценщиком. Но возвращаться одной означало снова искать следы подготовки Федора. На сегодня у меня была другая задача.

— Приказ у меня, — сказала Таисия. — Согласованная версия списка у Арсена. Федор на связи?

— Подтвердил девять тридцать.

— Тогда заходим.

Арсен поднялся следом с рулеткой и комплектом номерных наклеек. Он работал в «Разъезде» почти с основания и знал Федора. Они вместе собирали стеллажи на первом складе, но сейчас Арсен ограничился обычным приветствием.

— Где зона упаковки? — спросил он.

— Большая комната, — ответила Таисия. — Сегодня ничего не пакуем. Только номера, объем и доступ.

Я показала согласованные вещи. Арсен измерял крупные предметы, считал короба и отмечал, что нужно разобрать. Таисия фотографировала только то, что входило в опись. Когда в кадр попадали мои документы или семейные фотографии, она меняла угол. Ни один из них не разглядывал освобожденные полки.

К десяти мы дошли до синей папки. Она получила номер пятьдесят три и красную отметку «не грузить».

— Ставлю пломбу на шкаф? — спросил Арсен.

— Нет, — сказала я. — До пятницы я здесь живу. Достаточно фотографии папки на месте.

— Тогда в акте укажем, что доступ сохраняется у обеих сторон.

Федор подключился к общей видеосвязи с опозданием на семь минут. Таисия назвала дату, адрес и участников, затем попросила его показать паспорт в камеру и подтвердить электронную подпись. Он выполнил все без возражений.

— Пятьдесят две позиции согласованы, — сказала она. — По трем есть разногласия. Начнем с фотоаппарата.

— Пусть остается, — ответил Федор. — Мне он не нужен.

— Это не основание признать его имуществом Яны Викторовны. Фиксируем временное хранение на адресе до общего соглашения?

— Да.

Таисия повернулась ко мне.

— Подтверждаю.

Так же мы оформили колонку. На папке Федор остановился.

— Я заберу документы, которые делал сам.

— В описи нет разделения по авторству, — сказала Таисия. — Позиция относится к корпоративному архиву. От директора поступил запрет на вывоз.

— Разумеется, поступил.

— Ограничение относится к корпоративному архиву, — уточнила я. — Это не личное наказание. Копии твоих смет, расписки и договоров подготовим к пятнице.

— Мне нужна папка целиком.

— Зачем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.